

СВОЕОБРАЗИЕ ОБРАЗА ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ В РОМАНЕ «КНЯГИНЯ ОЛЬГА» АЛЕКСАНДРА АНТОНОВА

Актуальность статьи определяется малой изученностью творчества А. И. Антонова и все возрастающим количеством произведений, главной героиней которых является княгиня Ольга. В статье анализируются художественные средства, с помощью которых А. И. Антонов смог создать столь близкий современному читателю образ княгини Ольги.

Ключевые слова: *главная героиня, роман, А. Антонов, женский образ, княгиня Ольга*

Александр Ильич Антонов (1924-2009) начал печататься с 1953 года. Работал во многих газетах и журналах. Член Союза журналистов и Союза писателей РФ. В 1973 году вышла в свет его первая повесть "Снега полярные зовут". С начала 80-х годов Антонов пишет историческую прозу. Он автор романов "Великий государь", "Князья веры", "Честь воеводы", "Русская королева", "Императрица под белой вуалью", "Княгиня Ольга" и многих других исторических произведений, лауреат Всероссийской литературной премии "Традиция" за 2003 год.

Княгиня Ольга является главной героиней одноименного романа А.И.Антонова. Княгиня Ольга – историческая личность, которая стояла у истоков государственности Руси-Украины. Она была первой женщиной-правителем в истории древнерусского государства, которая с переходом из язычества в христианство задала новый путь развития всей Киевской Руси. Неудивительно, что многие писатели воссоздают этот образ в своих произведениях: «Ольга, королева руссов» (2001) Б.Л. Васильева, «Княгиня Ольга» (2002) Б.Т. Ильина, «Княгиня Ольга» (2002) С. Н. Кайдаш-Лакшина, «Княгиня Ольга. Обжигающая любовь» Н. Павлищева (2013), цикл «Княгиня Ольга» Е. Дворецкая (2015-2021); в украинской литературе – роман Раисы Иванченко «Отрута для княгині» (1995), роман В. Яворивского «У мене вечеряв Ісус. Княгиня Ольга — велика грішниця, яка стала святою» (2019).

В наше время проведено множество исследований по проблеме образа святой княгини Ольги в письменной традиции XII–XVII веков. Однако совсем нет исследований о том, какой же видят княгиню Ольгу современные писатели. Роман А. Антонова посвящен княгине Ольге – фигуре в отечественной истории значительной, но не очень хорошо известной

широкой читательской публике. Основываясь на историческом материале, в частности, на исследованиях Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, автор создает образ этой незаурядной женщины – умной, страстной и противоречивой: сначала жестокой язычницы, затем мудрой христианки.

В процессе исследования ряда статей выяснилось, что, исходя из потребностей легитимировать суверенную власть в условиях различных исторических эпох, постепенно упраздняется образ Ольги как жестокой мстительной язычницы, и закрепляется образ первой христианской правительницы Руси-Украины, образец для подражания великим князьям и московским царям.

Ознакомившись с историческим портретом эпохи, данными про княгиню Ольгу у выдающихся первых историков Государства Российского (Н. М. Карамзина «История государства Российского», С. М. Соловьёва «Сочинения», В. О. Ключевского «Курс русской истории»), сложилось описание реального образа княгини и, что несомненно важно, описание эпохи, с ее традициями и нравами, откуда, например, становится понятным, что обязанность мести за родного человека была тогда обязанностью религиозною, обязанностью благочестия.

В отличие от древнерусской литературы (Сказание о княгине Ольге, вошедшее в состав «Повести временных лет» под 945–969 г.; «Проложное житие благоверной княгини Ольги в юго-славянских списках» Н. И. Серебрянского; «Преставление и похвала благоверной княгини Ольги» из «Памяти» мниха Иакова» Н. И. Серебрянского; «Степенная книга царского родословия» Библиотека литературы Древней Руси. XVI век), историки нигде не называют княгиню благоверной, святой. Они описывают ее как человека мудрого, здорового согласно своему времени. У них описаны разные варианты трактовки мести древлянам, сватовства константинопольского императора. Центром внимания историков, в отличие от древнерусской литературы, как раз является жизнь до принятия христианства, так как именно в этот период Ольга провела свою административно-экономическую реформу, способствующую образованию и укреплению государства.

А. Антонов смог найти компромисс между сведениями историков и образами Ольги, которые возникают в древнерусской церковной традиции, показав путь духовного восхождения от Ольги-язычницы до Ольги-христианки. В романе автор первоначально представляет Ольгу яркой, гордой, мстительной язычницей, что не мешает ей быть мудрой, человеколюбивой, ищущей правды. Именно эти качества являются основой для ее перерождения, раскрытия милосердия, умения прощать.

Для того чтобы сделать героиню романа близкой современному читателю, ее образ нужно было приблизить и оживить. Есть вещи, которые не меняются веками – это любовь, материнство, дружба, духовный путь. Они всегда остаются тем, что они есть. В описании исторических портретов, как и в житийной, летописной традиции этому нет места, однако в романе именно этому уделено много внимания. Например, священнику Григорию автор дал славянское происхождение и общую детскую влюбленность с Ольгой, хотя исторически ему приписывают греческое происхождение. Много в Ольге мы видим именно через призму отца Григория: *«Григорий никогда не пытался описать ее (Ольги –авт.) облик. У него не хватало слов выразить, какие у нее были глаза, то ласковые, то лукавые, то сердитые и даже гневные, но всегда прекрасные. Он не знал, с чем сравнить стать отроковицы, а позже — девы. В золотую косу Прекраса (славянское имя Ольги –авт.) могла закутаться, как в беличью полость. И умна, рассудительна она была не по годам, озорна и игрива. Да*

книжна. Могла просиживать за берестяными грамотами целыми днями.... Прекраса, однако, была вольнолюбива, властна и отчаянна. Она то обманывала хитростью своих домоправительниц и нянек, то открыто с лихостью покидала подворье и гуляла с деревенскими отроковицами по окрестностям деревни, где ей вздумается»[1, 36].

Боярыне Павле автор тоже дал общее место рождения и кровное родство с Ольгой, давая возможность тем самым иметь при ней человека, с которым она разговаривала на равных, которого она могла услышать в случае неправомерных поступков, получить поддержку при смене веры.

При создании образа главной героини Антонов использовал многие художественные способы: портрет (описанный с точки зрения автора и другими персонажами); описание всех четырех социальных ипостасей женского образа; характеристику героини в системе персонажей романа через их отношение к ней, взаимодействия; раскрытие характера героини; отношение к миру предметов; речевые характеристики главной героини, сказанные в диалоге или монологе.

Изучая **портреты** княгини Ольги, мы можем выделить несколько акцентов: голубые (васильковые) глаза, в которых можно прочесть ум, душу и особенности характера, чувственные губы, белокипенные и ровные зубы, прямой, точеный нос, высокий и чистый лоб, золотистая коса толщиной в руку, высокая тонкая шея, статная фигура, которая осталась неизменной до глубокой старости. Автор описывает шестнадцатилетнюю Ольгу так:

«Юная княжна пленяла молодых и старых своей красотой. Заплетенные в косу непокорные волосы открывали высокий и чистый лоб, большие голубые глаза светились умом и жизнелюбием. Прямой и самую малую толику вздернутый нос говорил о ее веселом нраве. А полные алые губы манили, обещая неземное наслаждение. Кожа лица и высокой тонкой шеи, чуть приоткрытой высокой груди была нежна и беломраморна, а щеки в меру румяны, словно озарены светом алой зари. Шелковое платье облегло тонкий стан Ольги, показывало всю ее благородную стать. Это была юная богиня красоты» [1, 92].

Годы бесплодной семейной жизни, охлаждение к ней князя Игоря, одна за другой смерти ее новорожденных детей, не могли не сказаться на внешности, однако автор говорит лишь о ее преображении после четырех лет походной жизни. Ольге тогда было около 48 лет. Князь Игорь, вернувшись в Киев, *«не узнал Ольгу. Возникла перед ним молодая, сильная духом, светлая лицом и крепкая телом супружница. Игорь только ахнул от удивления.»* [1, 99]. Улучшения её внешности на этом не закончились, она зачала сына, родила его и, *«кто не знал ее, не дал бы ей и тридцати лет. К зениту жизни она сохранила все, чем обладали юные девы, молодые женщины»* [1, 13].

Смерть князя Игоря подкосила княгиню. Такая утрата не могла не отразиться на внешности княгини. *«За прошедшие две ночи и день она поблекла и показалась Григорию старой женщиной. Но, похоже, ни время, ни горе не тронули ее стройной по-девичьи фигуры, кою облегал украшенный драгоценностями далматик. И потому Григорию показалось, что на лице у его Прекрасы – маска, что надевали женщины Царьграда в карнавальные ночи»* [1, 42].

Оправившись от смерти мужа, гораздо позже Ольга посетила Константинополь, где ее представили императору. Константин знал, *«что архонтиса моложе его на каких-то несколько лет, но все в ней пленяло молодостью, силой и статью. Она стояла перед императором с гордо поднятой головой, прямая, как свеча. Серо-голубые глаза сияли приветливостью и почтением»*[1, 241].

Автор приводит читателя к мысли, которая звучит из уст отца Григория: *«Господи, она же вечная, она и отроковицей была такой, как ноне!»* [1, 163]

Уже из первых описаний Ольги-отроковицы Григорием мы получаем объемное понимание ее **характера**: *«умна, рассудительна, озорна, игрива, книжна, вольнолюбива, властна и отчаянна»*. В дальнейшем автор подтверждает, что Ольга *«не только была озорна в отрочестве, но и дерзка, смела, решительна в зрелом возрасте. Теперь же, когда уже виднелась заснеженная вершина ее жизни, тем паче ее ничто не пугало»* [1, 163].

Особенно явно смелость и бесстрашие проявились при осаде Киева печенегами, когда княгиня стояла на стенах Киева в пурпурном плаще. *«Княгиня Ольга видела потуги врагов. И стрелы, кои летели в нее, видела. Но с того часа, как она надела пурпурный плащ, как отец Григорий призвал на помощь архангела Михаила, она не испытывала чувства страха, не думала о себе и не береглась»*[1, 343].

Она легко раздражалась, если что-то шло не так, как ей того хотелось. Однако умела сдерживать свой гнев, показывая тем самым завидное *самообладание*, дабы добиться своей цели. Когда прибыли послы от древлян, *«Ольге захотелось накричать на посла, выгнать из шатра и сбросить в Днепр, так больно ей было слышать кощунственное предложение древлян. Но княгиня погасила свою ярость»*[1, 49].

Ольга была *горда, самолюбива, обидчива*. Особенно ярко это проявилось в Константинополе. *«Великая княгиня смирилась с пренебрежением к ней императорского двора с трудом. Если бы цель ее посещения Царьграда была иной, а не крещение, она бы дала о себе знать наверняка. Ее гонцы не раз постучали бы в ворота Царьграда, что заставило бы Багрянородного поклониться русичам»* [1, 234].

Автор романа показывает княгиню Ольгу во всех **социальных ролях**, причем в каждой из них она выглядит очень достойно, что в жизни очень редкое сочетание, тем самым вызывая у читателя огромную симпатию к героине, желание быть как она: мудрой, страстной, заботливой, рассудительной.

Так как повествование романа начинается убийством князя Игоря, и читатель не может увидеть их взаимоотношений в настоящем, образ княгини Ольги как жены дополняется воспоминаниями. Ниже одно из них, свидетельствующее о мудрости Ольги, которая могла поддержать мужа, успокоить и вдохновить на подвиги.

«Князь Игорь долго не мог прийти в себя от неудачного похода в Византию, покрывшего, как он считал, позором его имя. Но княгиня Ольга рассудила более мудро:

— Нет на тебе вины, князь — батюшка. Разве ты знал, что тебя предадут бывшие друзья, разве тебе было ведомо, что греки владеют сатанинским огнем?

— Все так, матушка княгиня. Но я бежал, вместо того, чтобы лечь костями на поле брани.

— Ты под властью мироправителя. Он сохранил тебе жизнь потому, что призывает к отмищению коварным ромеям» [1, 19].

Ольга, как заботливая, любящая мать проявляется на протяжении всего романа. Уже на первых его страницах при известиях о кончине мужа, Ольга хотела умереть вместе с ним согласно языческому обычаю, и только сын воскресил ее к жизни. Ближайшая к Ольге боярыня Павла принесла Святослава, чтобы отвлечь княгиню от дурных мыслей. Её *«материнское сердце то сжималось от нежности, то билось от волнения, от страха за его судьбу»* [1, 11]. Когда же *«пришел час выступить в поход и великого князя Святослава уже готовы были посадить в седло на боевого коня, материнские чувства Ольги взяли верх*

над ее холодным разумом. Ольга представила себе, как ее малолетний сын окажется один среди суровых воинов и при нем встанет коварный воевода Свенельд, сердце ее зашилось от страха и жалости. И сказала княгиня Ольга воеводе Асмуду:

— Ты, кормилец и воспитатель князя, мною любим и сын мой за тобой как за каменной стеной. Но без родительского глаза в сей опасный поход я не отпускаю сына. Иду с ним! Вот и весь мой сказ» [1, 81].

Княгиня почитала своего сына как великого князя, его мнение было важно для нее, когда она захотела принять христианство. Но вот в женитьбе Ольга заставила сына выполнить свою волю. Ведь то был вопрос, который решали в то время именно родители. Ольга «...иноземную княжну захотела, родства с соседними государями решила добиться. И в Византии искала невесту сыну» [1, 304]. Она хотела за счет брака с иноземной княжной упрочить свой княжеский род и совсем не думала, а как сыну будет жить с нелюбимой. Брак оказался неудачным. «Святослав стоял перед матерью с поникшей головой. Ее молчание угнетало его. И спросил с вызовом:

— Зачем ты меня с Малушей разлучила?

— Что уж теперь? Грешна перед тобой, сын. Не по-христиански поступила. Да живи впредь, как сердце подсказывает. Нет моей власти больше над тобой» [1, 304]. Ольга нашла силы в себе признать свою ошибку и больше не мешать сыну жить зовом сердца.

В романе можно увидеть Ольгу и бабушкой при описании первой встречи с Владимиром. «Княгиня забыла окружающий мир, склонилась к внуку, обняла его и прижала к груди. Да так и замерла надолго, лишь шепча:

— Внучек мой любый, соколик ясный»

И последняя социальная роль Ольги – мудрый правитель, княгиня. Удивляет такое редкое сочетание любящей матери, жены и мудрой княгини. Редко найдешь такое в исторических портретах. Обычно за всеми историческими правителями женщинами стояли умные мужчины. А тут наоборот, именно Ольга-женщина обладала государственным умом, коего не было ни у мужа, ни у сына.

«Склонная к размышлениям, она (Ольга-авт.) попыталась по — новому разобраться в причинах бунта древлян и год, и тридцать лет назад. И пришла к мысли, что их породила несправедливость великокняжеского двора к своим подданным»[1,123]. После чего она провела административно-хозяйственную реформу, поделив землю на погосты и установив уставы и уроки, дав этим возможность жить долгие годы в мире и согласии племенам, входящим в состав первого русского государства.

Ольга всегда думала о пользе и процветании Руси, особенно когда посещала другие державы. В то время Константинополь поражал всех путешественников своей красотой, архитектурой, красиво украшенными соборами. Однако Ольга в первый раз посещая этот град, «была озабочена не тем, чтобы получить побольше удовольствий, пребывая в гостях, а чтобы привезти в Киев договор, в полной мере отражающий достоинство Руси как великого государства» [1, 21] И даже свое крещение использовала для усиления позиций Руси на мировой арене. «И в порубежные державы послов» приказала отправлять, чтобы знали, «что великая княгиня Руси отныне христианка. К тому же крестная дочь императора Константина Багрянородного. Сие важно потому, что германский император Оттон тщится вывести свою державу вперед перед Византией. Русь же оттеснить в хвосты» [1, 283]. Историк С.М. Соловьев полагал, что это могло быть одной из немаловажных причин ее крещения. Но автор все же поддерживает церковную традицию,

где принятие Христианства было внутренним движением души княгини к Свету и истинному Богу.

В романе явно наблюдаются параллели образов героев, которые относятся к старому языческому миру и образы, относящиеся к новому, преображенному, христианскому. В центре образной системы – главная героиня княгиня Ольга, которая движется в своем внутреннем пространстве от язычества к христианству. Отношение этих противоборствующих героев к княгине Ольге помогает нам увидеть ее образ более полно.

Рассмотрим верхнюю горизонталь, олицетворяющую ДУХОВНУЮ ВЛАСТЬ. В языческом мире – это Богомил, в христианском – священник Григорий.

Богомил – языческий верховный жрец, который пользовался уважением и огромными почестями. Именно он разжигал страсти и ненависть к древлянам в сердце княгини, уверял в необходимости массовых жертв. Ольга слушала его, верила, следовала его руководству. Однако сменив веру, *«Ольга увидела в глазах Богомила такую ненависть, какой даже в пору кровной мести не испытывала к врагам»* [1, 203] Чтобы увидеть такое, надо уметь отстраниться от собеседника, не вовлечься во внешний конфликт. Это качество характеризует зрелую личность.

После гибели боярыни Павлы, псаломщика Вахрамея, умыкания священника Григория, бунта против великокняжеского престола Ольга хотела погрести его заживо. Но христианство научило ее прощать и быть милосердной, чего не ведала прежде ее душа к врагам, тем более кровным: *«Она же, вещь, все видела, что творилось в груди у Богомила, в его воспаленной от гнева голове, и торжествовала победу над его немощью, над его жалкими потугами сломить ее, преградить ей путь к свету новой жизни, новой веры. Она была сильна, сильнее, чем верховный жрец, потому что всем своим существом была подвигнута к служению своему народу, во благо ему и торжеству мирной жизни. Она ведала начертанный путь своей жизни»* [1, 224]. Дух Ольги оказался сильнее Богомила, это сломило его. Уничтожило ненависть к ней, и породило уважение, ведь даже *«разойдясь с ним в вере, Ольга не притесняла его, хотя он своими делами заслуживал княжеской опалы»*[1, 322].

Григорий же напротив любил Ольгу первой, проходящей через всю жизнь любовью. *«И то, что было ведомо Григорию о злочинствах Ольги на Древлянской земле, никак не укладывалось в его представления о той княгине, какою он ее знал. И отец Григорий склонился к мысли, что в Ольгу вселились демоны зла и насилия. Пока они обитают в ней, Ольга будет оставаться источником людского горя, бед и несчастий»* [1,122] Жестокость, с которой отомстила Ольга, была ей не свойственна, Григорий, как близкий друг детства, знал это. *«Он знал твердость нрава княгини, силу ее в одолении мирских тревог и напастей. Он мог представить себе, сколько мучений претерпела Ольга за сорок лет ожидания наследника престола. Сорок лет страданий — посильно ли сие простой смертной душе? И счел умудренный жизнью отец Григорий, что Ольга, не ведая того, проявляла в течение всех лет замужества отнюдь не языческую сущность духовности. И лишь потрясение, вызванное гибелью князя Игоря, выплеснуло из нее глубоко запрятанное языческое начало, и она проявила все худшее, что несло в себе идолопоклонничество. ... Да, такого еще не бывало, когда бы государыня – язычница искала опоры в христианском священнике, дабы опереться на него, встать твердо на ноги и повести свой народ в горнее царство»*[1, 144].

Средняя горизонталь – МИРСКАЯ ВЛАСТЬ. Свенельд – языческий военначальник, скандинав, и Претич – славянский воевода, терпимый к христианам, жаждущий добра, справедливости и мира.

В романе *«Ольга с трудом терпела Свенельда... Не любила же Ольга Свенельда за высокомерие и своеправность, за то, что порою проявлял непокорность, часто поступал по своему разумению. Вот и теперь он вынудил княгиню сделать не так, как она решила, но навязал ей свою волю»* [1, с.48]. Ольга же считала, что все должны выполнять ее волю. И чем больше Ольга упрочняла свою власть, тем больше Свенельд боялся Ольги, мечтал скинуть ее, но повиновался.

Напротив, *«воеводы Претич, Посвист и Блуд молились на Ольгу с большей страстью, нежели на Перуна. Бояре и прочие вельможи боготворили Ольгу»* [1, 133]. Уставы великой княгини, казалось, навсегда положили конец смутам и волнениям. Очень полно дал характеристику Ольге Претич, оценивая ее именно как княгиню.

«—...Ну а ты-то что думаешь обо мне? Вот ты ходил со мной по Древлянской земле и видел, какая я там была. Что, тогда ты меня больше чтил, чем теперь? Говори вольно.

— Нет, матушка княгиня, прежде ты была жестокосердна и твои подданные боялись тебя. Теперь же ты истинная матушка своих детей» [1, 176].

Нижняя горизонталь – это женские образы романа. С языческой стороны невестка Ильдеко, с христианской – это Павла с дочерью Малушей, похожей на мать. Эти женские характеры помогают увидеть Ольгу в бытовой жизни через сравнение, одобрение или осуждение близкого человека. Например, Антонов пишет, что *«Ольга и Павла сошлись характерами. Горячий норов княгини боярыня сдерживала своим спокойным нравом»* [1, 96]. То есть Ольга хотела быть спокойной, не подверженной гневу, и Павла как тихая гавань, позволяла быть ей таковой рядом с ней, умиряя ее страсти своим внутренним равновесием. Именно в связи с Павлой мы узнаем о том, что *«княгиня Ольга редко дозволяла кому разговаривать с собой вольно и без почтения. Высокомерие ее шло от веры. Она считала себя выше всех простых смертных. Лишь Павле она позволяла говорить как равной с равной. Эту сродницу Ольга считала особой женщиной»* [1, 63].

«Сама же Павла смотрела на Ольгу с пронзительной любовью, и княгине даже стало неловко. «Почему она готова сгореть на костре за меня? Ничего не понимаю» [1, 125].

И полное противопоставление – невестка Ильдеко. *«Там, на Угорской земле, княжна показала Ольге душевной и ласковой»*. То есть, выбирая невестку, эти качества характера были важными для Ольги, помимо того, что она выбирала княжескую дочь. *«В Киеве же она (Ильдеко –авт.) вскоре показала свой истинный норов... В ней все словно переродилось. То она жестоко обоилась с сенной девкой, избива ее своим сафьяновым сапожком, то плеснула горячей водой в лицо челядинке, коя замешкалась. Многажды она унизила Аксицию, называя ее толстой свиньей. Со всеми прочими боярынями повела себя высокомерно, чванливо. И в довершение всего начала пререкаться с Ольгой, забыла о всякой почтительности, за глаза величала старой бабой и каждый день требовала, чтобы Ольга вернула Святослава в Киев»* [1, 301].

Из этих характеристик мы узнаем, что Ильдеко вела себя высокомерно, чванливо, но мы сразу понимаем, что это совсем другое высокомерие, не то, которым обладала Ольга – «царской» уверенностью в богоизбранности, где помимо привилегий прилагаются и ответственность за всех, кто под твоей властью.

Для создания более объемного образа главной героини автор делает читателя свидетелем немногочисленных **диалогов**, в которых звучит прямая характеристика княгини Ольги.

После того как Ольга утвердила нормы дани и повинности для населения, были намечены погосты и становища, собралась она покинуть стольный град по первому санному пути и направиться на север в Изборскую землю, чтобы эти преобразования воплотить в жизнь. Утром перед отъездом боярыня Павла пришла и стала просить Ольгу взять с собой священника Григория:

«И что же ты сказала ему, что я возьму его?»

— А как же, матушка, сказала, сказала, — зачастила Павла, — Да ведомо мне, что у тебя доброе и отзывчивое сердце.

— Не льсти. Я злая и недобрая женщина. Я злопамятна. И помню, как Григорий унизил меня оскорблением. Такое не прощают.

— И, полно, матушка, ты сама твердишь, что правдой ни унижить, ни оскорбить нельзя. Правда, она чище воды, хотя и горькая, как ты говоришь» [1,125]. В этом диалоге мы получаем полную характеристику, определяющую судьбу княгини Ольги, у которой доброе сердце, ищущее ПРАВДЫ. Именно этот поиск правды привел ее к узакониванию единых налогов, что принесло мир в государство на многие годы.

В **монологе-исповеди** княгиня обнажает свою душу, смиряясь тем самым перед народом, давая право на его суд, ведь она не просто человек, она княгиня. *«- После древлянской печали я потеряла веру в наших богов — кумиров. Я долго блуждала во тьме, источилась разумом и телом. Теперь же увидела неопалимый свет. Еще не ведаю, выйду ли к нему, чтобы он осветил меня, но я пойду к нему так же упорно, как шла ко всему в жизни»*[1, 182].

А. И. Антонова очень мало интересуется **мир вещей**. Мы практически не видим описаний убранств княжих покоев. Тем более ценны и значимы те немногие описания вещественного мира, которые появляются в романе. Через описание вещей, которые окружали Ольгу, ее безразличие к миру предметов, автор раскрывает нам более яркий душевный мир, в котором живут грезы и воспоминания. *«Стоило ей остаться в покое, где были собраны даренные диковины и рукописные книги, как она погружалась в свой волшебный мир. Ее не интересовали дары князю Олегу из золота и серебра, византийские сабли из лучшей в мире дамаской стали. Ей не хотелось заглянуть в список «Кириллицы», «Апостола», «Псалтири» или «Окожих», исполненных Кириллом и Мефодием в годы пребывания в Моравии... Волшебный мир воспоминаний ей был желаннее»* [1, 91] Такой человек не может быть алчным. И оценивает он не по одежке, а смотрит прямо в сердце.

Можем заключить, что благодаря многообразию художественных средств, А. И. Антонов смог создать понятный, многогранный, вызывающий симпатию и сопереживание образ княгини Ольги.

Главная героиня предстает перед нами умной, рассудительной, озорной, книжной, вольнолюбивой, дерзкой, властной, решительной, смелой и отчаянной. Ольга жила государственным умом, была *истинной матушкой своих детей*. Были у нее и негативные черты такие как: *гордость, самолюбие, обидчивость, раздражительность, хитрость, коварство, жестокость и мстительность*. Однако ее гордость, высокомерие было иного характера, чем у Свенельда и Ильдеко, она исходила от веры, что она выше всех смертных по своему княжескому достоинству. А Павла рассказывает, что Ольга была

человеколюбивой. И лишь глубокое потрясение, полученное от убийства мужа, вынудило ее обнажить самые худшие черты своего характера. В других случаях с Свенельдом, Богомилом, Малушей княгиня смогла сдержать свой гнев и жестокость. Вещественный мир мало интересовал Ольгу, она не была алчной. И отдавала последний хлеб в осажденном Киеве его жителям. Сердце Ольги жаждало правды, искало ее, она хотела *творить добро, быть милосердной*. Именно это привело ее к христианскому перерождению души и наделением ее новым качеством *прозрения*.

Список использованной литературы

1. Антонов А. И. Княгиня Ольга. Москва: Мир книги, 2004. 352 с.
2. Бедина Н. Н. Образ святой княгини Ольги в древнерусской книжной традиции. *Доклады участников IV Международной конференции «Комплексный подход в изучении древней Руси»*, Москва, 2007. С. 8-12
3. Жачемукова Б. М., Бешукова Ф. Б. Художественная специфика жанра исторического романа. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2011. С. 11-17.
4. Карамзин Н. М. История государства Российского. Москва: Эксмо, 2007. Т. 12. 1024 с.
5. Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть 1. М.: Мысль, 1987. 165 с.
6. ПВЛ – Сказание о княгине Ольге, вошедшее в состав «Повести временных лет» под 945–969 г. БЛДР. Санкт-Петербург, 1997. Т. 1. С. 82–117.
7. Пролож.1 – Проложное житие благоверной княгини Ольги в юго-славянских списках. Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Москва, 1915. Т. II. С. 6–7.
8. Пролож.2 – Проложное житие благоверной княгини Ольги в севернославянских списках. Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Москва, 1915. Т. II. С. 7–8.
9. Пролож.3 – Проложное житие благоверной княгини Ольги в распространенной редакции. Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Москва, 1915. Т. II. С. 8–12.
10. Пролож.4 – «Преставление и похвала благоверной княгини Ольги» из «Памяти» мниха Иакова. Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Москва, 1915. Т. II. С. 12–13.
11. Соловьёв С. М. Сочинения. Москва, 1959. Кн.1. Т.1-2. Гл.6. С. 145-161
12. Степенная книга царского родословия. *Библиотека литературы Древней Руси*. XVIвек. Санкт-Петербург, 2003. Т.ХII. С. 322-377.
13. Ферро М. К. Об эволюции литературного образа святой княгини Ольги в древнерусских письменных источниках. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2018. №2 (72).С.108-123.